

Художник повседневной жизни

Александр Максимов в ГТГ

Коммерсантъ 2 - 2005 - 13 мая - с. 21

Выставка графика

В Государственной Третьяковской галерее на Крымском Валу открылась выставка Александра Максимова (1930–1992) «Зигзаги», подготовленная ГТГ совместно с галереей «Ковчег». Недооцененного художника открыла для себя ИРИНА КУЛИК.

Александр Максимов не числился среди нонконформистов, но и к ортодоксальным советским художникам причислить его невозможно. Единственная ниша, отыскавшаяся для него в более или менее «разрешенном» искусстве, — это столь экзотическое и маргинальное на первый взгляд занятие, как «аранжировка русского лубка». Что, впрочем, давало автору редкую по тем временам свободу включать в свои работы тексты, «вообще-то включение любого письменного высказывания в произведение изобразительного искусства было неосуществимым из-за цензур-

но-бюрократических сложностей: любой текст требовал специальной литовки».

Произведения Александра Максимова не могут не напомнить экспрессионистские полотна Бориса Турецкого, снабженную надписями живопись Михаила Рогинского и прежде всего концептуалистские альбомы Ильи Кабакова. Но сходство это в общем поверхностное: конечно, рисуют они одну и ту же реальность. Только вот Александр Максимов не пытался ее переосмыслить: показать ее абсурдность, трагичность, фатальность, найти в ней какой-то сокровенный смысл. Напротив, он и представить не может, что жизнь может быть иной, чем она есть, не тяготеет к ней и не претендует на то, что существует в реальности, отличной от повседневности остальных советских граждан. Он знал множество способов ее запечатлеть, но вовсе не предполагал, что какой-либо художественный язык способен подорвать реальность.

Еще с начала 60-х выпускник Суриковского училища и член МОСХа всюю зани-

мался всеми видами абстракции: коллажи, черно-белые геометрические штудии, минималистские цветовые композиции, разбрызгивание краски по бумаге и так далее. С абстракцией соседствуют экспрессионистские полотна вроде «Драки в магазине на улице Солянка» или «Площади Ногина», запруженной наезжающими друг на друга машинами, или нежнейшие карандашные рисунки, заставляющие вспомнить раннюю графику Энди Уорхола, или вполне ортодоксальный русский лубок, изображающий, однако, Фантомаса, — жаль, что этот перл не попал на выставку «Русский поп-арт». Но, наверное, самые поразительные произведения Александра Максимова — это выполненные в условно-лубочном стиле своего рода дневники, в которых художник тщательно изображал и описывал все события своей повседневной жизни: очереди в магазинах, чеки на приобретенные товары, работу на приусадебном участке, меню новогоднего стола (сторонник здорового образа

жизни, Максимов отмечал Новый год рюмкой чистой воды), беседы с коллегами-художниками, размышления об искусстве, наколки, увиденные на черноморском пляже, ножки стульев и ноги пассажиров метро или собственную левую руку. Причем абстракция, реализм или лубок не являются различными этапами творчества художника — Александр Максимов почти одновременно занимается и тем, и другим, и третьим. Все стили для него в равной степени правомочны и органичны, меняет он их образно одному лишь собственному состоянию духа, а отнюдь не избранной стратегии. Для него — и, наверное, для него одного — в истории русского искусства XX века как будто бы не существует разрывов: он выглядит и наследником исторического авангарда с его интересом к лубку и рукописной книге, и достойным последователем неофициозного советского искусства 30-х, и почти случайным соратником своих современников-нонконформистов.

Максимов Александр Иванович

13.10.05